

Глава 4. Горная круча Ваньшуйцянь. Середина

Впереди бесконечностью тянулись роскошные луга и горный лес, темно-синее небо было бездонным, а на далеких вершинах, окутанных белой дымкой, лежал снег, не таявший тысячи лет, зато по краям обрывов разрастались в обилии цветы и кустарники.

По обе стороны от входа на пик струились водопады, образовавшиеся в результате таяния снега на вершине, они стекали вниз по горе, и затем вода накапливалась в полукруглых водоемах, расположенных на лестничных террасах. Вода в них была прозрачной и сверкающей, от одного взгляда на нее текли слюнки. Лучи восходящего солнца еще не отступили, и сквозь тонкий и клубящийся туман оно наполняло своими бликами капельки росы, благоухание цветов в округе было освежающим и ароматным.

Это и была всемирно известная горная круча Ваньшуйцянь!

Увидишь ее раз - и в мире больше не останется гор, посмотришь на эту воду - и в мире больше не найдется подобной воды.

Цай Чжао уже не могла дышать из-за открывшегося прекрасного вида, и она неожиданно признала, что пробыть здесь три года, кажется, не очень уж и страшным делом.

Медленно подошел Сун Юйчжи, повернувшись к приоткрывшей в оцепенении рот девушке, он рассмеялся:

-Цай-шимэй, ты способна что-то сказать? - в этом мире редкий человек, впервые ступивший на горную кручу Ваньшуйцянь, не способен был поразиться, и он был готов услышать бурную реакцию.

Цай Чжао вздрогнула, словно просыпаясь ото сна:

-О? Ах! Да, мне есть что сказать! Самый старший шисюн...

-Я не самый старший шисюн, - снисходительно сморщил лоб Сун Юйчжи.

-Ах, второй шисюн...

-Я не второй шисюн, - продолжил поправлять ее Сун Юйчжи.

-Третий шисюн? - с осторожностью допытывалась Цай Чжао.

Сун Юйчжи кивнул головой в знак согласия.

Цай Чжао не могла не оглянуться в поисках Цай Пинчуня с женой, желая сказать, что школа Цинцюэ на самом деле послала только третьего шисюна, чтобы принять гостей из долины Лоин, и отсюда можно сделать вывод о том, как они пренебрежительно отнеслись к ним, и не лучше бы всем вернуться домой. Однако она так и не поняла, куда же подевались ее родители с маленьким Цай Ханем на руках.

У нее не было другого выбора, кроме как обернуться, глубоко вздохнуть и продолжить тему:

-Третий шисюн, я...

-Ты думаешь, что мой отец и старший брат слишком выставляют роскошь напоказ, и их одежда слишком богата в отличие от других людей из школы? - внезапно спросил Сун Юйчжи.

Цай Чжао сказала с изумлением:

-Нет, это не так.

Занимаясь торговлей, необходимо уметь читать эмоции по лицу, потому смотря на лицо Сун Юйчжи, выражавшее «Шимэй сама вежливость», Цай Чжао немедленно привела дополнительные доводы:

-По правде говоря, любой, кто понимает в этом толк, может все понять и так, внешнее сияние на первый взгляд не обязательно имеет какую-то ценность. К примеру, третий шисюн - это Вы. Несмотря на то, что на Вас надето простое по покрою платье, однако нить ткани, пошедшая на него, произведена из шелка ледяного шелковичного червя. Сколько людей хотят использовать этот шелк, чтобы сделать себе перчатки, которые бы не промокали и не горели, но не могут его получить. Да и золотая вышивка на нем - дело божественной иглы бабушки Чжуо, но, увы, когда мы хотели пригласить бабушку Чжуо открыть лавку в городе Лоин, даже ее следов не удалось найти.

Сун Юйчжи:

-...

Эта маленькая девчонка, казалось, подразумевала следующее: в действительности твой отец лишь безнравственный денежный мешок, а фактически - разоделся слишком ты!

-Третий шисюн, третий шисюн, третий... мне есть кое-что сказать, - Цай Чжао извинительно улыбнулась.

Сун Юйчжи закрыл глаза:

-Шимэй может говорить все, что у нее на уме.

-Такое дело, - Цай Чжао сделала правильное лицо и, отчеканив, произнесла: - Я понимаю, что в Цинцюэ есть множество разбойников из Цзянху, ушедших в отставку, и среди них есть множество тех, кто скрывается, и не нужно, чтобы посторонние люди прознали об этом, я прекрасно осознаю все причины, вот только...

Она чуть-чуть повысила голос, используя свой всепроникающий дружеский тон, акцентируя его на убеждении:

-Но, может ли Сун-шисюн просить нашего наставника снова и снова многократно и глубоко подумать над следующим: это верно, что есть специалисты в разных областях, разве они все созданы для ведения торговли? Существует еще порядочное количество других дел, которыми можно заниматься. Например, все эти разбойники в имеют большой жизненный опыт, чрезвычайно яркий жизненный опыт, если им сейчас нечем заниматься, то ведь можно и записать свои прошлые дела и воспоминания.

-К примеру, наперсница ушедшая в никуда, братья в жизни и в смерти, отвернувшиеся друг от друга, и пропущенная травма, о которой нельзя более сожалеть. В нашем Лоине, есть несколько книжных лавок с умеренными ценами, в которых не обидят ни ребенка, ни старика, и где титульные листы пишут и рисуют известные каллиграфы и копировальщики, вкус наших у покупателей отличный.

-Хозяину лавки в начале поселка нравится дилемма переплетения любви и ненависти, наперсницы и компромиссы. Тот, что живет на окраине, любит читать о прыжках со скалы с мечом, как будто во сне, изучает боевые искусства и очень увлекается всеми присущим им навыками. А недавно старый лавочник вернулся в родной город, чтобы посмотреть на родившегося внука. Так вот, его сын, молодой лавочник, любит истории о старых обидах и обидах, передающихся через поколения... Короче говоря, гонорар будет щедрым.

-Я имею в виду, что подача еды, напитков, привлечение клиентов и приветствие людей с улыбкой - это отличные навыки. Если у вас, милостивых господ, разбойников и великих героев, отсутствуют подобные способности, в таком случае не стоит и открывать лавки, делая поселок Цинцюэ заброшенным, много цянэй так не заработаешь! Разве это не напрасная потеря такой хорошей земли?

Школа Цинцюэ находится на вершине шести ветвей потомков Бэйчэня, даже, можно сказать, является лидером всего мира боевых искусств. Каждый год неизвестно сколько странников снует в округе, можно себе представить весь поток клиентов, проходящих через поселок, - это как жить на золотой горе и голодать, у Цай Чжао от досады даже печенка заболела.

-Эй, шисюн, Сун-шисюн, Сун-шисюн, почему ты ничего не говоришь?..

У Сун Юйчжи пропала улыбка с лица, очевидно, что Цай Чжао не варилась в мире боевых искусств, он смотрел на нее так, словно на ее лице внезапно выросла петунья. Его лицо окаменело, и он, развернувшись, ушел, стараясь не слышать, что там кричала сзади Цай Чжао, и он ни разу не обернулся.

Именно эту девушку вырастила Цай Пиншу, которую до зубовного скрежета так ненавидел отец? Ну ладно, в прошлом Цай Пиншу была способна также раздражать всех, тогда хорошо, что его отец дотерпел до сегодняшнего дня и не зарезал этого маленького человечка.

Глядя на спину Сун Юйчжи, Цай Чжао не совсем понимала, почему тот вдруг так разозлился, но в это время Цай Чжао внезапно ощутила, что она совершенно чужда этому месту - горной круче Ваньшуйцянь, окруженная приходящими и уходящими людьми, занятыми учениками школы, которые либо несли вещи, либо направляли всевозможных учеников в чужие края и

разные дома соответственно.

Сун Шицзюнь, глава школы Гуантяньмэнь, которая среди шести школ занимала второе место после школы Цинцюэ, случайно оказался здесь в это время, ведь он приехал не для того, чтобы участвовать в банкете по случаю поклонения наставнику Цай Чжао, и не для того, чтобы навестить трех своих сыновей, которые учились здесь, а чтобы принять участие в церемонии празднования двухсотлетнего юбилея со дня смерти патриарха Бэйчэнь.

Помимо шести ветвей было также несколько школ, имевших хорошие отношения с линией Бэйчэнь, которые пришли посмотреть на церемонию. Только сейчас Цай Чжао увидела нескольких лысых монахов и монахинь, расставляющих коробки и клетки на краю скалы. Должно быть, это прибыли люди из буддийского храма Цзялань и женского монастыря Сюанькун. Настоятельница Сюанькун, почтенная наставница Цзиньюань, и ее тетя Цай Пиншу всегда были в ссоре друг с другом. Цай Чжао не хотела с ними встречаться, поэтому она немедленно быстро и ловко улизнула прочь.

Цай Чжао не торопилась искать своих родителей. Она подумала, что сегодня хороший весенний день, поэтому ей лучше сначала прогуляться, а потому, заложив руки за спину, как счастливая и неторопливая дочь богатого лавочника, свободно направилась вперед, как бы инспектируя и осматривая все в округе.

Согласно легенде гора Цзюли изначально представляла собой черный железно-каменный столб, соединяющий человеческий мир и небесные чертоги, который использовался для вознесения людей на небеса. Позже, когда в небесных чертогах наступил хаос, верх колонны была разрушен, и дворец над ней рухнул, оставшиеся же части превратились в человеческом мире в огромный горный хребет.

Из-за богатой духовной ци гора привлекла девять свирепых зверей с поймы, они начали выращивать здесь свое потомство, так что бессмертная лестница превратилась в дьявольскую гору, не только пожирающую миллиарды живых существ, но и бесконтрольно распространяющую миазмы и ядовитые болота, сеющую хаос на близлежащих горах, реках и полях, и белые скелеты людей переполнили природу вокруг. В дальнейшем история продолжалась так же, как Цай Пиншу рассказала ее маленькой Цай Чжао. Бессмертные завоевали волшебную гору, а предок Бэйчэнь, которому пришлось охранять ее, переименовал ее в гору Цзюли.

Такой длинной историей Цай Пиншу на самом деле хотела научить юную Цай Чжао топографии горы Цзюли.

Главную вершину горы Цзюли раньше называли пиком Чайтянь. Как следует из названия, она очень высокая. Говорят, что никто не мог подняться на вершину горы, то же самое говорили и о пропасти, которую ранее пересекала Цай Чжао (о том, что глубина ее неизведанна), любой мастер, решивший подняться на пик Чайтянь, никогда не вернется назад.

Пик Чайтянь не только был покрыт снегом круглый год, но и, поскольку снег лежал так долго,

он превращался в сплошной лед, который трудно было разбить любым оружием, и существа, погибшие на нем, постоянно в него вмерзали. Теоретически на пике Чайтянь не должно быть никаких ловушек, но самое страшное в нем – это его высота, безграничная высота.

По словам старшего поколения поднимавшихся на него людей, никто не мог сбежать на полпути, они поднимались изо дня в день, проводя каждый день на жгучем и невыносимом холоде. В течение трех полных месяцев было так холодно, что почти все думали, что уже мертвы. Боевой дух исчезал в завываниях холодного ветра. Горизонт казался бесконечным, ясное голубое небо нависало прямо над тобой, но как ни карабкайся, так и не удавалось достичь вершины.

В конце концов, люди – смертные и не могут жить без еды и питья. На пике Чайтянь нет ни растительности, ни животных, поэтому взбирающиеся на него люди могут только питаться всухомятку, но они не могли принести слишком много даже такой еды, потому что со временем подобная пища будет замерзать и превратится в лед. И им не только будет трудно утолить голод, но если долгое время есть подобную пищу можно легко заболеть.

Люди, погибшие на горе, часто были людьми необычайной силы воли, которые не успокаивались, пока не достигали своей цели. Когда пища заканчивалась или вот-вот должна была закончиться, они либо замерзали и умирали от голода на обратном пути, либо просто продолжали идти и умирали по пути на вершину.

Было много и таких людей, как среди старшего поколения, которые разочаровались, отчаялись и сдались на полпути.

По словам Нин Сяофэн, в мире нет горы, на вершину которой нельзя было бы подняться. На пике Чайтянь должно быть магическое поле, похожее на стену призраков, которая была установлена ранее. Просто это поле, вероятно, было создано небожителями в древние времена и было настолько искусно сделано, что ни один обычный человек не мог его сломать.

Принимая во внимание, что в горах погибло очень много предков, глубоко изучавших виды построения различных магических полей, можно было сказать, что Нин Сяофэн лишь немного увлеклась в своих рассуждениях, но она вовсе не имела стремления бросать кому-либо вызов.

Цай Пиншу часто говорила Цай Чжао, что школа Цинцюэ – это первоклассное место под небом, которое легко защищать и трудно атаковать, и в этом кроется причина ее процветания.

Главная резиденция школы Цинцюэ – дворец Мувэй, фасадом был обращен на юг, лицом к Фэньюньдину, за спиной у него возвышался горный пик Чайтянь, а впереди простиралась бездонная пропасть, и нужно было убрать лишь железный трос, и каким бы сильным ни был противник, он не смог бы прорваться сюда.

Что заставляло врагов скрежетать зубами больше всего, так это то, что вершина пика Чайтянь холодна и мертва, но внизу, в месте, где расположен дворец Мувэй, круглый год царит весна. Наверху есть лед и снег, а внизу есть фруктовые сады, луга и небольшие ручьи, а также

пшеничные поля, рисовые террасы, огороды и фермы, оставшиеся от кампании по борьбе с бедностью неизвестного патриарха. Фрукты, овощи, курицы, утки и рыба, богатые разнообразием и вкусом – короче говоря, дворец Мувэй никогда не окажется в осаде.

Опираясь на эту уникальную местность, даже когда секта Чицай-шимо была на пике своего развития, школа Цинцюэ смогла выдержать бесчисленное количество осад и в конце концов смогла контратаковать и победить.

Каждый раз во время карательного похода Чицай-шимо нравилось кричать: «Если у вырожденцев из школы Цинцюэ хватит смелости, пусть спускаются!», в то время как младшие ученики школы Цинцюэ честно и бесцеремонно отвечали взаимностью: «Если бесхребетным Чицай-шимо хватит смелости, пусть поднимаются!»... Месть порождает мсть, и этому не будет видно ни конца ни края, замкнутый круг, существующий и по сей день.

Когда-то на некоего человека исключительных способностей из Чицай-шимой, овладевшего некоторыми знаниями, однажды снизошло озарение, и он додумался до способа использовать ядовитый газ для нападения. На вершине Фэньюньдин разожгли большой пылающий костер и использовали поднимающийся горячий воздух, чтобы рассеять ядовитый дым по дворцу Мувэй.

Но ядовитый дым был заблокирован облаками, нависшими над двумя утесами. И если горный ветер подул бы в другую сторону, ядовитый дым потек обратно к людям Чицай-шимо и те получили бы прямо противоположные результаты.

Спрашивается, почему имеет такое значение направление горного ветра? Очевидно же, что горный ветер обычно дует то тут, то там, так почему же он дует только в направлении Фэньюньдин, когда сталкивается с ядовитым дымом?

...Никто не знает, может быть, это просто хитрость природы.

В любом случае, когда Цай Чжао стояла на вершине Фэньюньдин, от ее взора было все скрыто густыми облаками и туманом, и она не могла ясно видеть, была ли горная круча Ваньшуйцянь круглой или плоской, но когда она стояла на горной круче Ваньшуйцянь и вглядывалась в Фэньюньдин, она с удивлением обнаружила, что над пропастью плавал лишь слабый слой тумана, и она могла ясно видеть, что делали люди на противоположной стороне Фэньюньдин.

Да, природа здесь действительно потрясающая.

Сбоку от прозрачного горного ручья, распустился красивый цветок персика, развернувший лепестки в разные стороны. Цай Чжао побрела на рассеянный в воздухе аромат фруктов, идущий из леса. Было уже время ужина, она остановилась под высоким фруктовым деревом и некоторое время смотрела на несколько пухлых фруктов, висящих на ветвях, а в ее мыслях как вращающаяся карусель проплывали источающие аромат горячие шашлыки из свинины с соусом, лепешки с мясной начинкой, морепродукты, тушеный рис с подливкой, кусочки угря, обжаренные с двух сторон...

Цай Чжао гордилась тем, что является сдержанной лакомкой и не хотела настолько бесцеремонно относиться к обеду. Поэтому она повернулась на пятках и решила дать школе Цинцюэ еще один шанс, возможно, повара школы отличались необычным мастерством.

Голод в животе усилился, она ускорила шаг и, проходя через фруктовый лес, вдруг услышала шумные голоса, доносившиеся со стороны, перемежаемые пронзительным и требовательным девичьим голосом.

<http://tl.rulate.ru/book/104228/3996547>